

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ
И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЛОКАЛЬНОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА
(СЛУЧАЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СОЦИОЛОГИИ)**

Часть 1

Препринт WP6/2012/01 (ч. 1)

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
2012

УДК 316.2
ББК 60.5
И73

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

И73 **Интеллектуальный ландшафт и социальная структура локального академического сообщества (случай петербургской социологии)** : препринт WP6/2012/01 (ч. 1) [Текст] / М.М. Соколов, М.А. Сафонова, К.С. Губа, Д.В. Димке ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 48 с. – 150 экз.

Препринт представляет результаты исследовательского проекта «Петербургская социология после 1985 года: Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста», посвященного истории локального академического сообщества петербургских социологов на протяжении последних двадцати пяти лет. Исследование, продолжающее традицию community-studies Чикагской школы, опиралось на широкий круг исторических, социологических, этнографических и библиометрических методов. Целью проекта было изучение экологии интеллектуальных, экономических, политических и других практик сообщества, состоящего примерно из 600 ученых-обществоведов.

В этот выпуск вошли два текста. В первом, за авторством М.М. Соколова, К.С. Губы, Д.В. Димке и М.А. Сафоновой, кратко охарактеризованы интеллектуальные истоки жанра community studies, обоснована его релевантность для социологии науки, описана стратегия и методы исследования, а также перечислены некоторые опубликованные ранее результаты проекта. Во втором тексте, за авторством М.А. Сафоновой, описаны основные этапы сетевой истории ленинградской / петербургской социологии и подробно проанализирована многоуровневая структура социальной сети, которая связывает петербургских социологов в настоящее время. Основной исследовательский вопрос статьи: являются ли главным элементом этой структуры «научные школы» («академические банды», по выражению Томаса Шеффа) – сплоченные клики ученых, объединенные общими интересами и интеллектуальной идентичностью?

УДК 316.2
ББК 65.5

Обсуждение материалов исследования состоялось 20 октября 2011 г. в Санкт-Петербурге на конференции Международной ассоциации гуманитариев «Востребованность гуманитарного знания современным обществом», в рамках круглого стола ИГИТИ «Гуманитарий между обществом и сообществом: исторические паттерны и актуальные вызовы», модератор И.М. Савельева.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Соколов М.М., 2012
© Сафонова М.А., 2012
© Губа К.С., 2012
© Димке Д.В., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Как и зачем изучать локальные академические сообщества?¹

М. Соколов, М. Сафонова, К. Губа, Д. Димке

Community study как стратегия исследования

Метод community study прочно ассоциируется с Чикагской школой социологии. Его связь с американской культурной историей не ограничивается тем, что он был впервые опробован в США. Образ сравнительно замкнутого и самодостаточного локального сообщества – небольшого городка – централен для Я-концепции американского общества рубежа XIX и XX вв. Большинство сверстников Роберта Парка родились в таких городках; грандиозные перемены, которые принесла с собой последняя четверть XIX столетия – урбанизация и отток населения в мегаполисы, приток мигрантов, распространение электричества, стремительное образование единого национального рынка, внезапное (и осуждаемое многими) увеличение роли федерального правительства – невольно воспринимались ими как отступление от естественного хода вещей. С описания этой великой трансформации начинается книга, считающаяся первым образчиком жанра (Lynd, Lynd 1929: 10–20), см. также третий том трилогии Бурстина (Бурстин 1993 [1972]). Тема исчезновения традиционного локального сообщества, обычно окрашенная отчетливо ностальгически – одна из центральных для американских эмпирических социологов начала XX столетия. Однако Парк и его коллеги обнаружили, что локальные сообщества не исчезли полностью из американской жизни эпохи урбанизации – в виде диаспоральных этнических общин или профессиональных групп с их собственными нормами поведения и моралью,

¹ Статьи представляют результаты исследовательского проекта «Петербургская социология после 1985 года: Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста», поддержанного грантом Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Все авторы благодарны друг другу, а также другим участникам проекта – Т.Ю. Бочарову, К.Д. Титаеву и Л.А. Шилову. Мы также многим обязаны помощи, советам и критике со стороны Д.А. Александрова, Е.А. Бороздиной, В.С. Вахштайна, Т.В. Зименковой, П. Маклина (Paul MacLean), Е.А. Моисеевой, А.В. Полетаева, И.М. Савельевой, А.В. Семенова, Н.Г. Скворцова, Б.М. Фирсова, М. Эверетта (Martin Everett) и блогеров plescheev и simmons_fan.

они по-прежнему существовали в Чикаго, Нью-Йорке и других мегаполисах. Современное общество во времена Парка продолжало представлять собой агрегат из таких сообществ (Park 1915; Wirth 1945); исследования второй половины прошлого века показали, что во многом оно остается таковым и поныне.

Этот вывод был важен не только с теоретической, но и с методологической точки зрения. Небольшой городок – благодатное поле для исследования. Со всеми его жителями можно познакомиться, все связи и взаимозависимости, существующие между ними, проследить в деталях, которые никогда не увидишь через общенациональную выборочную процедуру. Если мы верим в то, что все городки устроены более-менее одинаково, то изучив один из них, самый типичный и во всех подробностях, мы будем знать кое-что обо всех остальных. Мы можем сказать, что данный городок является иконической метафорой Америки в целом (об иконических метафорах см. (Brown 1977)). Но как убедиться в том, что данный городок типичен? Конрад Аренсберг, ведущий идеолог исследований американских локальных сообществ, в середине прошлого века предложил список из четырех критериев «выборочной адекватности» локального сообщества: (1) оно должно включать в себя все основные группы, которые представлены в «большом» обществе; (2) оно должно содержать все те паттерны отношений, которые существуют между этими группами; (3) оно должно воспроизводиться за счет собственных ресурсов, а не за счет постоянного притока кадров извне; (4) оно должно время от времени притягиваться к общим точкам физического соприкосновения (Arensberg, 1961: 247).

Надо специально отметить здесь второй и четвертый критерии. Термин «сообщество», особенно применительно к академическому миру, о котором речь пойдет ниже, нагружен сильными нормативными коннотациями. В обыденном языке сообщество подразумевает некоторую степень солидарности и единодушия среди его членов. Однако Аренсберг настаивает, что степень этого единодушия не должна превышать ту, которую мы наблюдаем в нормальной ситуации между членами составляющих сообщество групп. Враждебность и избегание является его частью в той же степени, что и проявления альтруизма и единства. Сообщество – это дескриптивная, не прескриптивная категория. Сообщество ученых не обязательно является идеальной «республикой ученых» и может быть даже чем-то прямо противоположным ей. Четвертый критерий говорит нам, что сообщества не обязательно должны быть территориальными поселениями. Территориальные поселения – не считая очень специфичных случаев, вроде

военных городков – часто являются сообществами, но сообщества не обязательно состоят из людей, живущих по соседству.

Нельзя сказать, что критики Аренсберга и его коллег были удовлетворены этими объяснениями. Локальные сообщества как объект изучения не устраивали ни микро-, ни макросоциологов. Для первых оказывалась под вопросом их способность репрезентировать друг друга в силу уникальности истории каждого сообщества. Кроме того, по мере того как жизнь каждого индивида все больше зависела от событий, происходящих на национальном и наднациональном уровне, оставалось все меньше причин исследовать взаимозависимости, расположенные на локальном уровне. Для микросоциологов, наоборот, локальное сообщество было слишком большим. Исследовать его – значит анализировать такие вещи, как «стратификация» или «власть», которые для этнометодологов или социальных психологов являлись слишком умозрительными, чтобы относиться к ним всерьез. Наконец, и для тех, кто работал на макро-, и для тех, кто работал на микро-, и для тех, кто работал на мезоуровне (теории организаций), исследования локальных сообществ были слишком холистическими, недостаточно сфокусированными на отдельном процессе или исследовательском вопросе. Эндрю Эбботт, один из современных защитников Чикагской школы, указывал на то, что стиль работы чикагских социологов был отвергнут потому, что не вписывался в возобладовавшие (особенно в американской эмпирической социологии) жанровые конвенции, требовавшие, чтобы каждое отдельное исследование прослеживало связи между небольшим количеством переменных. Исследования локальных сообществ, с характерными для них идеями «экологии» и множественной каузальности, не пользовались в этом интеллектуальном контексте спросом (Abbott 1997).

Исследования в небольших городках или замкнутых профессиональных группах продолжались, но это были, по словам Клиффорда Гирца, исследования в деревнях, а не исследования деревень. Отдельные события, происходившие в них, рассматривались как частные случаи или прямые аналогии событий, происходивших в других местах. Идея прослеживания связей между всеми событиями, происходящими с этим сообществом, в их целостности потеряла свою привлекательность, поскольку описания «Янки-Сити как Америки в миниатюре» утратили убедительность. Интеграция представлений обо всем, происходящем в данном обществе, переносилась с уровня всестороннего эмпирического исследования одного репрезентирующего объекта на уровень теорети-

ческой абстракции. В этой критике было много справедливого. Считать Янки-сити Америкой в миниатюре кажется нам сегодня наивным. Тем не менее стратегия исследования локального сообщества имела несомненные сильные стороны, заключающиеся в акценте на проследивание связей внутри всей «экологии игр» (Long 1958), в которые играли его члены. Более того, упор на изучение именно территориальных сообществ может быть шансом в условиях, когда ни один другой подход не позволяет надеяться на решение проблем репрезентативности и задач контроля экспериментальных условий.

Community study в исследованиях науки

«Сообщество» – слово, которое часто употребляется в разговорах о науке, однако оно, как правило, используется в качестве ссылки на нормативный идеал, а не в качестве описательной категории. Первая, «мёртоновская», волна классической социологии науки заимствовала идею изучения сообщества, но это понятие немедленно получило нормативное толкование: в наиболее последовательно развивающей его книге Уоррена Хэгстрема «академическое сообщество» создается нормами специфического этоса, которые регулируют обмен дарами информации и признания (Hagstrom 1965, периодизация волн социологии науки из Collins and Evans 2002). Характерно, что Хэгстром не изучал какую-то конкретную группу ученых или специальность, а брал интервью с представителями разных дисциплин, которые должны были продемонстрировать наличие единого научного этоса (та же стратегия, правда, с акцентом на кроссдисциплинарных различиях, использовалась и далее – Becher 2001, Whitley 1985). Гораздо ближе к изучению конкретных групп ученых приблизилась вторая волна социологии науки – социология научного знания. Здесь мы находим как многочисленные этнографические исследования жизни отдельных лабораторий (самое известное, разумеется, Latour and Woolgar 1979), так и исторические исследования, посвященные практикам ученых в определенный период (McKenzie 1981; Shapin 1995). Однако основная проблема, которую решали социологи, принадлежащие ко второй волне – статус и природа научного знания – предполагала акцент на изучении не ученых, а результатов их деятельности. Если для первой волны основной интерес представляли институты науки как специфическая разновидность социальной организации, то для второй волны они стали просто фоном, на котором разворачивалась та или иная контро-

верза или воспроизводилась та или иная исследовательская практика. Иногда встречающееся обвинение представителей первой волны в том, что они были безразличны к содержательным аспектам того, что ученые производят, несправедливо (достаточно сослаться на работы Бен-Дэвида (Ben-David 1960), однако знание фигурирует в их текстах лишь как следствие того или иного устройства академических институтов. Приоритеты второй волны были иными, и блестящие эмпирические исследования, предпринятые в ее рамках, никогда не были исследованиями сообществ в аренсберговском смысле.

Между тем «сплошное» изучение замкнутых сообществ ученых способно внести важный вклад и в изучение производства научного знания. Эксплицитно или имплицитно любое утверждение о связи знания и социальных условий его появления подразумевает, что в других условиях и знание было бы другим. Однако эмпирическое обоснование этого тезиса применительно к науке часто затруднено. В классических лабораторных исследованиях (или в SCOT – программе изучения социального конструирования технологий) оно полностью зиждется на силе исследовательского нарратива, который, предположительно, обнажает все условности появления того или иного научного факта/артефакта. Такое доказательство никогда не может быть полным – оно стало бы им только в том случае, если бы было продемонстрировано, что при изменении использованных в объяснении параметров факт или артефакт также изменятся, причем, желательно, в предсказанную сторону (*действительно ли, мы бы жили в мире без микробов, если бы Пастер избрал для себя юридическое поприще, а французская наука была организована иначе – Латур 2002 [1983]?*).

Одним из способов преодолеть эту риторическую неполноту были исследования науки в разных государственных контекстах в эпоху, когда унификация исследовательских практик и мнений не происходила с такой скоростью, как это обычно случается сейчас (Bloor 1978; Gross 2000). Очевидным недостатком государственных академических систем как единиц сравнения является то, что они различаются по слишком многим параметрам и погружены в социальный контекст, который еще более различен. В качестве альтернативной стратегии нами было выбрано локальное сообщество, которое, вследствие разнородности существующих в нем условий, могло бы служить естественной лабораторией, где события в разных организационных и культурных контекстах постоянно оказываются экспериментальными и контрольными группами друг для друга. Вместо того чтобы сконцентрироваться на решениях какой-то одной пробле-

мы или развитии какой-то одной технологии, мы рассматривали, как в этих контекстах разрешаются разные проблемы и эволюционируют разные технологии – чтобы за уникальностью каждого случая усмотреть общий интеллектуальный стиль, соответствующий каждому контексту, а также увидеть, как стиль формирует контекст, а контекст – стиль.

Проект «петербургская социология после 1985 года»

Аренсберг писал о том, что мы можем считать подходящим для изучения «сообществом» только группу, в которой представлены все социальные категории, составляющие «общество в целом» (Arensberg: 254–258). Наша проблема заключалась в том, что ни мы, ни кто-либо другой не могли сказать заранее, из каких категорий состоит социология в России. Согласие по поводу того, кто находится внутри, а кто – вне этого социального мира, вообще вряд ли возможно. Например, считать ли социологом преподавателя всех гуманитарных дисциплин в техническом вузе, читающего «Введение в социологию» среди десятка прочих курсов? Или аналитика, который работает в компании, изучающей рынок, и иногда проводит опросные исследования для академических заказчиков? Или физика, который вывел на досуге математические законы общественного развития и готов делиться ими с окружающими (при этом не обязательно называет себя социологом)? Считать ли социологом коллегу, про которого мы думаем, что на самом деле то, чем он занимается – не социология, хотя он и утверждает обратное (в то время как он сам думает то же самое про нас)? И так далее, и тому подобное.

Как пишет Бурдье, любое волюнтаристское решение здесь будет политическим актом, исключающим кого-то из границ поля. Поскольку мы не хотели принимать такое решение, мы постарались его избежать. Мы попробовали – в качестве первого шага – начать с мегаполиса, который заведомо был настолько большим, чтобы в нем присутствовали все экономические и культурные ниши, которые вообще могут занимать социологи – преподавание на профильных и непрофильных специальностях в вузах всех типов, институт Академии наук, негосударственные исследовательские центры, журнальные редакции, маркетинг, СМИ, ведомственные аналитические центры и, возможно, что-то такое, о чем мы пока не догадывались. Петербург подходил под это описание идеально.

Во-вторых, мы решили – следуя четвертому критерию Аренсберга – включить в выборку всех тех, кто участвовал в одном из периодических

воссоединений локальной социологии – делал доклад на одном из примерно двадцати социологических семинаров или конференций, публиковался в одном из трех издаваемых с девяностых годов городских журналов, состоял в одной из двух базирующихся в СПб социологических ассоциаций (Санкт-Петербургская ассоциация социологов и Российское социологическое общество им. М.М. Ковалевского), или был сотрудником одной из организаций, официально определявших себя как «социологические». Затем мы отобрали тех, кто появился на любой из этих сцен хотя бы дважды за двадцать пять охваченных исследованием – лет с 1985 по 2009 г. Таковых оказалось 622 человека². Таким образом, мы были уверены, что охватили всех, более-менее регулярно участвующих в социологической жизни. Исключены были те, кто делал что-то, что можно было бы обозначить как социология, но никогда не соотносил себя с социологической традицией.

Нашей следующей задачей было проверить, соответствует ли социологическое сообщество третьему критерию Аренсберга – самодостаточности. Применение этого критерия к профессиональным сообществам всегда возможно лишь с некоторой долей условности: мы можем говорить о рождении и смерти в них лишь применительно к фазам профессионального цикла – от поступления на профильный факультет до прекращения трудовой деятельности. В этом смысле наше сообщество было почти безупречно замкнутым: небольшая мобильность почти целиком приходилась на первые этапы карьеры (поступление в магистратуру/аспирантуру). Мы наблюдали считанные случаи переезда в Ленинград/Петербург и/или за его пределы среди тех ученых, которые получили аттестат академической зрелости – кандидатскую степень; фактически их число не превышало пяти-семи процентов от всей нашей совокупности. Такие отъезды обращали на себя внимание, поскольку перемещались обычно крупные фигуры – вспомним, например, перемещение А.Г. Здравомыслова, О.И. Шкаратана, И.С. Кона и В.А. Ядова из Ленинграда в Москву – однако на уровне обобщенной статистики они единичны. Таким образом, мы можем сказать, что воспроизводство профессионального сообщества осуществлялось его собственными силами.

Что касается соответствия локального научного сообщества первому и второму критерию Аренсберга (представленности основных групп и кон-

² Более подробно процедура выборки описана в наших предшествующих публикациях (см. блок статей в «Журнале социологии и социальной антропологии», № 3 за 2010 г.) и на сайте проекта www.socdata.spb.ru.

фликтов), то здесь мы были вынуждены полагаться на постоянные сравнения с тем, что мы знали о других территориальных сообществах российских социологов. Мы искали аналоги любым процессам и событиям, происходившим где-то еще, в нашем сообществе – и, как правило, находили прямые соответствия. Найденные параллели укрепляли нашу уверенность в том, что наш выбор петербургской социологии – в качестве иконической метафоры для российской социологии в целом – был правильным. Звучание ритмов коллективной жизни в случае каждой локальности было индивидуальным, но в них легко угадывались общие мотивы.

В каких отношениях сообщество петербургских социологов все-таки оказалось исключительным? По сравнению с аналогичными сообществами других российских городов, оно, пожалуй, было наиболее отчетливо сегментировано: уникальность состояла не в наличии или отсутствии каких-то сегментов, а в том, до какой степени явно они были противопоставлены друг другу (см. описание ниже). Рискнем утверждать, что тенденция к образованию тех же, что и в Петербурге, сегментов универсальна. Однако в большинстве других городов они менее изолированы друг от друга. В случае небольших городов, причина этого – меньший размер академических рынков, который не оставлял возможности для специализации. В случае Москвы – близость государственной машины, которая – с ее спросом на аналитические услуги и влиянием на профессиональную жизнь – постоянно притягивала все группы социологов, вынужденных прямо конкурировать (или хотя бы соприкасаться) друг с другом. И тем не менее во всех этих случаях мы находим оппозицию между какими-то аналогами того, что мы ниже назвали Ист- и Вест-сайдом.

Определив для себя объект, мы перешли к методам³. Нашей задачей было собрать как можно больше разносторонней информации о каждом из 622 индивидов, попавших в выборку. Мы собрали досье на каждого из них, которое включало в себя данные:

(а) об их биографических траекториях (на основании материалов биографических справочников, персональных страниц сайтов, информации об авторах в книгах и статьях, а также примерно пятидесяти интервью, взятых нами, и десятков интервью, опубликованных другими исследователями⁴);

³ См. подробное описание в наших предшествующих публикациях, указанных выше.

⁴ Мы хотели бы воспользоваться случаем и выразить свое восхищение и признательность Б.З. Докторову и Д.Н. Шалину – создателям сайта «Биографическая инициатива»,

(б) их интеллектуальных траекториях, которые прослеживались на основании эволюции риторики и жанровой организации их текстов, цитирований и прочего (мы проанализировали сплошь статьи петербургских авторов в трех городских периодических изданиях – «Журнале социологии и социальной антропологии», «Телескопе» и социологической серии «Вестника СПбГУ», а также двух московских – «Социологических исследованиях» и «Социологическом журнале» – и внушительном количестве сборников, тезисов конференций, монографий и текстов выступлений);

(в) их современных политических взглядах, академических интересах, экономических стратегиях и профессиональных навыках (основным источником был опрос 251 респондента, в число которых попала большая часть активного на конец 2009 г. ядра сообщества, дополнительными – интервью и включенное наблюдение во время официальных и неофициальных мероприятий);

(г) их социальных сетях и связях, в прошлом и настоящем (информация, которая отчасти собиралась на основании вопросов анкеты, отчасти – на материалах интервью, отчасти – на данных наблюдения или изучении практик письма (например, соавторства).

Краткое содержание предыдущих серий: первые результаты исследования

Одним из первых результатов исследования⁵ было выделение в сообществе петербургских социологов трех основных сегментов или «естественных зон», в значительной степени изолированных друг от друга. Мы назвали их – в стиле традиции, к которой чувствовали себя принадлежащими – Вест-сайдом, Ист-сайдом и «Зоной перехода» (Zone-in-Transition).

В центре каждой из зон находилась одна или несколько организаций, проводивших собственные мероприятия и издававших собственные журналы и книжные серии. Долгие годы петербургская социология балансировала на грани того, чтобы превратиться из одного сообщества в три. Более подробное описание этой структуры приводится ниже в статье

который служил для нас одним из основных источников информации (<http://cdclv.unlv.edu/mission/index2.html>).

⁵ Исследование воспроизвело результаты более раннего проекта, также осуществленного на петербургском материале (Погорелов, Соколов 2005).

М.А. Сафоновой; здесь я только перечислю основные отличительные признаки каждой из зон.

Центром «Вест-сайда» является Европейский университет в Санкт-Петербурге, выпускниками которого в значительной степени укомплектованы Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ) и факультет социологии петербургского филиала НИУ ВШЭ. Эта зона самая молодая – средний возраст ее обитателей составляет немногим более тридцати лет (средний год рождения – 1970), две трети из них женщины. В экономическом плане Вест-сайд до самого последнего времени преимущественно существовал за счет западных грантов (экспансия Высшей школы экономики и переориентация Европейского университета на другие источники, произошедшие в последние пять лет, изменили эту картину до неузнаваемости). Несмотря на смену экономической базы, общая вера в превосходство «западной» науки и общества над «российскими» остались общим кредо Вест-сайда, а его политические и культурные установки по российским меркам – вызывающе либеральными. Таблица 1 суммирует эти установки в виде распределения ответов на вопросы анкеты. К Вест-сайду принадлежит около 100 социологов, активных в Петербурге в последние пять лет – чуть менее одной пятой (18,8%) соответствующей части нашей выборки.

Таблица 1. Процент «полностью согласных» и «скорее согласных» с утверждениями (в скобках – абсолютное число).
Все распределения значимы на уровне 0.000

	Вест-сайд	«Зона перехода»	Ист-сайд
Для российских социологов сейчас более важно читать книги и журналы на английском (немецком, французском), чем на русском	64% (27)	54% (18)	25% (31)
Западные теории много не объясняют в российской жизни; российским социологам нужно работать с собственными теоретическими моделями	37% (18)	68% (27)	77% (104)
Я поддерживаю легализацию однополых браков	76% (36)	57% (20)	26% (32)
По моему мнению, либеральные демократии стран Запада – тот тип политической системы, к которой России надо стремиться	83% (33)	82% (31)	35% (42)

Ист-сайд является полной противоположностью Вест-сайду по большинству этих параметров. Он значительно старше и в нем больше муж-

чин (средний возраст – немного за сорок, средний год рождения – 1958, женщин 49%), значительно более консервативный в своих политических и культурных установках, и значительно более скептический в своем отношении к «мировой науке». Его экономическая база – почти исключительно преподавание и администрирование образовательных учреждений. В центре этого академического мира возвышается факультет социологии СПбГУ, на котором в 2009 г. работало 114 человек из нашей выборки, и ассоциированный с ним НИИ комплексных социальных исследований – первый исследовательский институт в СССР, в составе которого была социологическая лаборатория. СПбГУ проводит регулярные конференции, которые служат основным местом встреч для остальных истсайдских социологов. Всего к Ист-сайду принадлежит 338 человек, ощутимо больше половины активной на конец 2000-х социологической популяции (62,8%).

Наконец, организационным фасадом «Зоны перехода» является Социологический институт РАН и несколько более тесно связанных с ним, чем с факультетом СПбГУ, кафедр (прежде всего, факультет культурологии и социологии СПб Академии культуры и искусств). «Зона перехода» находится приблизительно посередине в пространстве аттитюдов между либерально-прозападным Вест-сайдом и консервативно-славянофильским Ист-сайдом. Демографически она отличается от них возрастом (средний возраст – под пятьдесят, средний год рождения – 1953) и преобладанием мужчин (60%). «Зона перехода» примерно равна по величине Вест-сайду – 99 человек в нашей выборке (18,4% активных в последние пять лет социологов).

Хронологический порядок возникновения этих зон противоположен тому, в котором они только что были перечислены. Подробно сетевая история их развития описана в статье М.А. Сафоновой, а также одной из более ранних ее работ (Сафонова 2010). Здесь мы ограничимся одной иллюстрацией (рис. 1), показывающей эволюцию сообщества – от небольшой группы, сложившейся к 1960 г. вокруг возникающей лаборатории на философском факультете ЛГУ, путем ее многочисленных делений – к нынешней разветвленной структуре. На рис. 1 видно, что «Зона перехода» находится между Ист- и Вест-сайдом: если бы кто-то с одного из краев захотел передать конверт человеку с другого края, ему наверняка пришлось бы попросить сотрудника Социологического института РАН стать почтальоном. До недавнего времени этот путь был единственным; в последние годы на факультете социологии СПбГУ возник ряд

инициатив, которые проложили другие тропинки (такие как англоязычная магистерская программа «Европейские общества», к участию в которой активно привлекались вестсайдские преподаватели, имевшие большой опыт международных контактов и знающие больше иностранных языков).

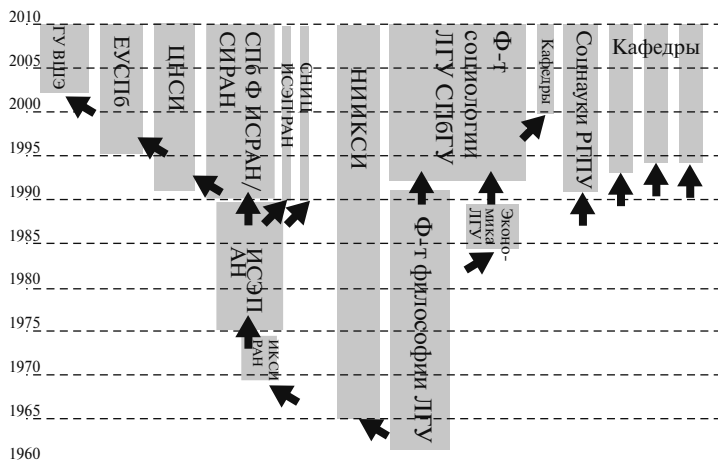

Рис. 1. Сетевая эволюция петербургской социологии

В наших более ранних статьях мы пытались решить две задачи – во-первых, выяснить, организовано ли «пространство внимания» локального сообщества так же, как организовано его социальное пространство или пространство установок; во-вторых – попробовать определить, пользуясь формальными методами, что стоит за дифференциацией сети – по какому принципу происходит деление? Ответ на первый из этих вопросов содержится в статье К.С. Губы и А.В. Семенова (Губа, Семенов 2010), которые проанализировали цитирования петербургских социологов в текстах, написанных представителями разных частей сообщества. Их работа показала, что для каждой из частей принадлежащие к ней фигуры были наиболее видимы. Непосредственно прилежащий к ней сегмент был также видим – и Ист-, и Вест-сайд видели «Переходную зону», а та видела их, при этом Ист- и Вест-сайд практически не видели друг друга. Старые социологи «ленинградской школы» были единственными, кого знали и на «Западе», и на «Востоке»; без них по краям образовались бы две совершенно независимые системы российских авторитетов.

Ответ на второй вопрос содержится в статье М.М. Соколова (Соколов 2010), в которой проведен регрессионный анализ факторов, оказывающих влияние на положение на оси «Восток – Запад». Сравнивалось влияние экономических различий (не было ли деление, прежде всего, вызвано тем, что разные группы специализировались на разных экономических нишах, что заставляло их выбирать разные стратегии адаптации?), методологических предпочтений («качественная/количественная социология»), более общих научно-культурных ориентаций (предпочтение «западной»/национальной науки) и политических взглядов (либерализм/консерватизм). К некоторому нашему удивлению, именно последний, идеологический фактор оказался наиболее влиятельным – складывалось впечатление, что разрывы сети, которая в результате делилась на части, происходили на основе идеологических разногласий. Выбор экономической базы в 90-х годах (западные гранты/преподавательские зарплаты) или общая вера в превосходство западной или национальной науки оказывались производными от политических ориентаций. Исторический анализ вполне подтверждал эту картину – в основе делений сети обычно лежали политические столкновения, превращавшиеся в неразрешимые личные конфликты. Политика – это то, из-за чего люди по-настоящему ссорятся в России.

Социальная и интеллектуальная организация локального академического сообщества

Три следующие статьи представляют собой три подхода к *главной проблеме* социологии знания – корреляции между социальной и ментальной структурами. Как отмечалось ранее, основной аргумент за рассмотрение локальных академических сообществ как легитимного объекта изучения социологии науки состоит в том, что они являются естественной лабораторией, в которой мы можем изучать привычные способы решения интеллектуальных проблем в разных социальных контекстах.

Статья М.А. Сафоновой начинается с подробного описания сетевой организации петербургской социологии, из которого логично следует вопрос: находим ли мы здесь соответствие тому, что считается основной социальной/интеллектуальной формой организации академического мира – «научные школы» или «теоретические банды»? Стратегия их поиска – анализ корреляций между разными типами социальных сетей (задействованных в распределении рабочих мест, сотрудничестве в

исследованиях, организации публичных событий) и различными мерами интеллектуальной близости. Статья заканчивается парадоксальным выводом: в то время как петербургская социология практически вовсе не знает несетевых механизмов координации коллективных действий, интеллектуальный поиск в значительной степени является личным делом каждого. В «петербургской социологии» нет теоретических банд, а есть обширные «академические культуры», объединенные общими представлениями об интеллектуальной респектабельности.

В статье К.С. Губы анализируется диффузия норм одной такой культуры. Становится ли Ист-сайд с течением времени больше похож на Вест-сайд? Она рассматривает диффузию цитирований, чтобы убедиться, что это действительно происходит – в большой степени за счет самых молодых истсайдских социологов. Одним из выводов ее работы является то, что подлинной оппозицией Вест-сайду в плане «академической культуры» оказывается не Ист-сайд, а «Зона перехода», в которой локализованы остатки «ленинградской школы» социологии. Ист-сайд, несмотря на усилия по изобретению национальной социологической традиции, так и не обзавелся собственным каноном – в отличие от советских социологов, которые располагали выстроенной шкалой авторитетов, в некотором смысле сдерживающих диффузию вестсайдского круга чтения.

В статье Д.В. Димке эта академическая культура подвергнута более тщательному изучению историческими методами. Она начинается с загадки – каким образом советская социология оставила нам в наследство столько фигур классиков, практически не оставив классических книг? Ее объяснение состоит в том, что советская социология была объединена особым – утопическим – определением своей миссии, которое делало написание академических текстов второстепенным занятием (по сравнению с текстами, адресованными более массовой аудитории или аналитическими записками, влияющими на принятие властных решений). Для советских социологов суть научной работы состояла в правдивом признании текущего положения дел в советском обществе. Эта формация не была ориентирована на создание долговечных теоретических построений – и, как следствие, не оставила их.

Библиография

Бурстин, Дэниел. 1993 [1973] *Американцы: Демократический опыт*. Москва: «Прогресс» / «Литера».

Губа К.С., Семенов А.В. 2010. В центре внимания или в центрах внимания? Анализ системы авторитетов локального академического сообщества // *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 133–154

Латур, Бруно. 2002 [1983]. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир! // *Логос* 35(5–6): 211–242.

Погорелов Ф.А., Соколов М.М. 2005. Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: Фрагментация петербургской социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии* 2: 76–92.

Сафонова М.А. 2010. Сетевая история петербургской социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 83–110.

Соколов М.А. 2010. Индивидуальные траектории и происхождение «естественных зон» в петербургской социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 111–132.

Abbott, Andrew. 1997. On Time and Space: The Contemporary Relevance of the Chicago School. *Social Forces* 74 (4): 1149–1182.

Arensberg, Conrad. 1961. The Community as Object and as Sample // *American Anthropologist* 63(2): 241–264.

Becher, Tony. 2001. *Academic Tribes and Territories. Academic Inquiry and the Culture of Discipline*. N. Y.: Open University Press.

Ben David, Joseph. 1960. Roles and Innovations in Medicine // *The American Journal of Sociology* 65(6): 557–568.

Bloor, David. 1978. Polyhedra and Abomination of Leviticus // *The British Journal for the History of Science* 11 (3): 245–272.

Brown, Richard. 1977. *A Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press.

Collins, H.M., and Robert Evans. 2002. The Third Wave of Science Studies. Studies of Expertise and Experience // *Social Studies of Science* 32(2): 235–296.

Gross, Alan G. 2000. Argument and 17th Century Science: A Rhetorical Analysis with Sociological Implications // *Social Studies of Science* 30(3): 371–96.

Hagstrom, Warren. 1965. *The Scientific Community*. N. Y.: Basic Books.

Latour, Bruno and Steve Woolgar. 1979. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London and Beverley Hills: Sage.

Long, Norton. 1958. Local Community as an Ecology of Games // *The American Journal of Sociology* 64(3): 251–261.

Lynd, Robert and Helen Lynd. 1929. *Middletown: A Study in Modern American Culture*. N.Y.: Harcourt, Brace and Company.

MacKenzie, Donald. 1981. *Statistics in Britain, 1865–1930. The Social Construction of Scientific Knowledge*. Edinburg: University of Edinburg Press.

Park, Robert. 1915. The City: Suggestions for the Investigation of the Human Behavior in the City Environment // *The American Journal of Sociology* 20(5): 577–612.

Shapin, Steven, 1995. *A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England*. Chicago and London: University of Chicago Press.

Warner, W. Lloyd. 1963. *Yankee-City*. New Haven and London: Yale University Press.

Wirth, Louis. 1945. Human Ecology. // *The American Journal of Sociology* 50(6): 483–489.

Whitley Richard. 1985. *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*. Oxford and New York: The Clarendon Press, Oxford University Press.

Правят ли российской социологией «теоретические банды»? Сетевая структура и интеллектуальные идентичности в локальном академическом сообществе

М. Сафонова

Перефразируя Говарда Беккера, можно сказать, что наука представляет собой коллективное действие (collective action). Для того чтобы произвести какой-то продукт (статью, конференцию, кафедру и т.д.), необходима длительная и координированная деятельность многих людей (Becker 2008). Например, отдельная статья создается в ходе последовательной кооперации разных вовлеченных групп. Для начала проект статьи будет обсуждаться с друзьями и коллегами по цеху. Далее наш автор должен связаться с редколлегией сборника или журнала и предложить им статью. Он сделает это либо напрямую, либо через знакомых (посредников) и, таким образом, вовлечет в процесс кооперации еще несколько агентов. В редколлегии статью будут обсуждать на соответствующем заседании и отправят анонимным рецензентам (оптимистический вариант), а после доработки автором – корректору. Для того чтобы номер журнала был опубликован, редакторы предпримут массу усилий, и свяжут работу нашего автора с деятельностью финансирующих организаций, других авторов и т.д. Далее начинается новый виток жизни статьи: распространение. Чтобы она смогла дойти до какой-либо аудитории, журнал должен быть закуплен библиотеками или вывешен на сайте, кроме того, сам автор может заняться распространением результатов своих исследований, например, будет выступать с тезисами статьи на конференциях, семинарах и т.д., в организацию которых вовлечены новые группы людей.

Процесс кооперации становится в большей или меньшей степени рутинным и продуцирует образцы, по которым будут создаваться новые партнерства для поддержания функционирования существующего продукта или производства нового. Следы деятельности вовлеченных в кооперацию групп и образцы кооперации всегда остаются на академической продукции (Becker 2008). В процессе путешествия через руки разных академических деятелей в статье могут появиться новые имена, ссылки, термины, новая структура или стиль изложения. Кафедры и конференции также несут на себе отпечатки исследовательских интере-

сов и академических биографий их создателей. Основной вопрос данного текста: каковы образцы академической кооперации в российской (петербургской) социологической среде и как они соотносятся с конвенциональными для академического мира схемами самоописания?

Следуя классикам институциональной экономики (Coase 1937; Williamson 1981), мы можем выделить два идеалотипических образца академической кооперации: (1) открытый рынок и (2) организация. В свою очередь, организации можно условно разделить на формальные (в которых существуют эксплицитные роли и связанные с ними права и обязанности) и неформальные (в которых взаимодействие поддерживается за счет личных взаимоотношений и имплицитных ожиданий). Неформальная организация неизбежно принимает форму сети, которую укорененные в ней агенты используют для осуществления действия. Представим себе, как одна и та же задача решается в академических мирах, построенных по разным принципам. В мире открытого рынка некий агент, получив необходимые ресурсы для создания кафедры/исследовательского центра, объявит открытый конкурс. Он может это сделать через сообщения, размещенные в профессиональных журналах или на сайтах. Таким образом, он наберет сотрудников в соответствии с формально удостоверяемыми заслугами и квалификациями; потенциальные работники внутри мира открытого рынка ищут рабочее место, исходя из объявленных вакансий и калькуляции выигрышей. В случае создания новой неформальной организации руководитель будет рекрутировать сотрудников из имеющихся в его распоряжении персональных сетей, а потенциальные работники в ходе поиска позиции будут опираться на созданные за годы обучения и работы отношения. Аналогичная схема будет работать в случае создания статьи, организации конференции и т.д. Очевидно, что в реальности всегда имеет место какая-то комбинация этих принципов; так, растущая формальная организация никогда не бывает полностью самодостаточной – нельзя перераспределять задачи между имеющимися сотрудниками бесконечно, откуда-то надо брать новых, а это можно сделать или через сети, или через открытый рынок. Открытый рынок и сетевая организация могут рассматриваться в качестве двух концов континуума, разные точки которого обозначают конкретные случаи кооперации. Расположение точек на континууме покажет нам, до какой степени тот или иной образец научной кооперации близок к идеальному типу. Образцы кооперации будут определяться в традиции структуралистской социологии (группа Харрисона Уайта и сочувствующие им), т.е. как струк-

тура отношений (связей)¹ между индивидами, вовлеченными в процесс производства научной продукции.

Данные

Эмпирический материал, на который опирается данная статья, был собран в ходе исследовательского проекта «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года» (ЦФИ ГУ ВШЭ, 2009 г.). Выборка подробно описана в предисловии М.М. Соколова. Поскольку нас интересуют образцы, по которым строится кооперация, мы применяем алгоритмы сетевого анализа к выборочной, а не генеральной совокупности.

В ходе полевой работы собирались данные трех типов. Во-первых, нас интересовало, с какими фигурами и исследовательскими культурами будут обозначать интеллектуальное родство информанты. Для этого в анкету² были включены следующие вопросы: (1) о повлиявших книгах и статьях, (2) о знакомстве с работами определенных авторов, (3) о согласии или несогласии с кредо различных исследовательских идеологий (например, качественная/количественная методология), (4) о политических симпатиях и антипатиях. Эти вопросы позволили собрать атрибутивные данные (атрибуты – характеристики или свойства случаев). Во-вторых, мы собирали следующие реляционные (фиксирующие отношения между случаями) данные: (1) имена тех, кто влиял на развитие карьеры респондента, (2) работал с ним в проектах, (3) предлагал ему позицию, (4) предлагал респонденту опубликовать работу, (5) приглашал выступить на публичном мероприятии, (6) кого сам респондент приглашал выступать. Кроме того, нас интересовало, (7) как петербургские социологи цитируют петербургских социологов; была собрана база данных по цитированию (подробное описание см. в статье К.С. Губы: Губа 2010). На основании собранных реляционных данных были созданы семь квадратных матриц сопряжения, отображающих разные типы отношений³. В-третьих, мы опирались на материалы интервью и широкий круг вто-

¹ В тексте термины «сеть» и «отношения» будут, согласно структуралистской традиции, использоваться как взаимозаменяемые, так же как термины «связь» и «отношение».

² С анкетой можно ознакомиться на сайте проекта www.socdata.spb.ru.

³ Отношения кодировались в бинарной форме.

ричных источников по истории ленинградской/петербургской социологии.

Полученные атрибутивные данные анализировались с помощью пакета SPSS, реляционные данные – с помощью пакета программного обеспечения UCINET. Визуализации, представленные в тексте, создавались с помощью пакета ORA. На рисунках точки и значки разных форм обозначают взаимодействующих агентов, а линии – отношения между ними. На большинстве рисунков, кроме специально оговоренных случаев, отображены (линиями одинаковой формы) все шесть типов связей, которые фиксировались в ходе опроса (отношения цитирования на визуализациях не отображаются).

Образцы кооперации и институциональные миграции

Как мы можем понять, к какой модели ближе образец кооперации, наблюдаемый нами в петербургских социологических организациях? Изучение истории создания этих организаций позволит нам выяснить:

1) наблюдается ли свободное перемещение сотрудников между организациями, и если нет, то чем оно ограничено;

2) какие образцы рекрутинга называются и обозначаются как традиционные в интервью с сотрудниками этих организаций;

3) совпадают ли разные типы сетей друг с другом (зовут ли наши респонденты своих коллег на семинары и в издания, к организации которых имеют какую-либо причастность, становятся ли студенты, курсовыми и дипломными работами которых наши респонденты руководили, сотрудниками подразделений, где они работают, и т.д.).

Анализ кадровых пересечений между петербургскими социологическими организациями с 1994 по 2009 г. позволит нам понять, есть ли барьеры для перемещений агентов между институциями одного города. Мы фиксировали случаи (см. табл. 1⁴), когда индивиды (попавшие в вы-

⁴ В таблице даны только названия организаций. Подразделения не называются с целью сделать таблицу более удобной для чтения. Когда указана аббревиатура учебного заведения, подразумевается, что речь идет о факультете или кафедре, в названии которых встречается слово «социология» (или словосочетание «социальных наук»). В таблице представлены: факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований при ФС СПбГУ (НИИКСИ), кафедра социологии Инженерно-экономического университета (ИНЖЭКОН), кафедра социологии и социальной работы Северо-Западной академии государственной службы (СЗАГС), кафедра социологии Института социологии и управления социальными процессами Университета сервиса и экономики

борку), которые когда-либо за последние пятнадцать лет были сотрудниками одной организации, оказывались на работе в другой (переходили или работали одновременно в нескольких; по диагонали – общее число индивидов в выборке, когда-либо работавших в каждой из организаций).

Мы можем видеть, что перемещение происходит внутри одной из трех организационных агломераций. У нас есть две группы организаций, которые относительно (количества сотрудников в организации/социологическом подразделении) интенсивно обменивались сотрудниками. Первая группа – это СПбГУ, НИИКСИ, ИНЖЭКОН, СЗАГС, РГПУ. Вторая группа – это ЦНСИ, факультет социологии ЕУ СПб и НИУ ВШЭ (СПб). Между ними есть своеобразный буфер: СИ РАН и СПбГУКИ – помимо внутренних кадровых обменов, этот буфер обменивается с обеими группами. В вводной статье эти части сообщества обозначены как Ист-сайд, Вест-сайд и «Зона перехода» (Zone in Transition).

Таблица 1. Кадровые пересечения между петербургскими социологическими организациями

	СПбГУ	НИИКСИ	ИНЖЭКОН	СЗАГС	СПбГУСЭ	РГПУ	СПбГУКИ	СИ РАН	ЕУСПб	НИУ ВШЭ	ЦНСИ
СПбГУ	143										
НИИКСИ	17	68									
ИНЖЭКОН	2	1	19								
СЗАГС	3	1	1	16							
СПбГУСЭ	1	0	0	0	13						
РГПУ	6	2	0	0	0	26					
СПбГУКИ	6	3	0	0	0	2	16				
СИ РАН	9	1	0	0	0	1	7	84			
ЕУСПб	2	0	0	0	0	0	0	8	33		
НИУ ВШЭ	3	0	0	0	0	0	0	0	13	50	
ЦНСИ	3	0	0	0	0	0	0	1	11	6	49

(СПбГУСЭ), факультет социальных наук Российского государственного педагогического университета им. Герцена (РГПУ), факультет культурологии и социологии Университета культуры и искусств (далее в тексте – СПбГУКИ), Социологический институт РАН (СИ РАН), факультет политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУ СПб), Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ).

Анализ кадровых перемещений персонала (сделанный на основе материалов интервью, опубликованных статей по истории организаций и curriculum vitae) между организациями в течение последних двадцати пяти лет показывает, что институциональные перемещения происходят по известной в миграционных исследованиях (однако не описанной в социологии науки⁵) закономерности: мигрируют сети агентов (Massey 1986).

История институциональных миграций начинается почти одновременно с началом институционализации социологии в Петербурге. В начале 1960-х годов группа молодых исследователей создала социологическую лабораторию при философском факультете Ленинградского государственного университета (Бороноев 2008, Фирсов 2001). К середине 1960-х группа рекрутировала новых членов (Семенов 2000) и стала частью созданного из лабораторий нескольких факультетов НИИКСИ ЛГУ. В конце 1960-х, после кратковременного отрезка деятельности в НИИКСИ, началась история институциональных перемещений. В 1967–1968 гг. после внутреннего конфликта группа сотрудников во главе с отцом-основателем (В.А. Ядовым) ушла из ЛГУ и составила ядро ленинградских секторов Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР.

Именно тогда впервые был использован образец кооперации и перемещения, который впоследствии станет традиционным. Как отмечалось выше, отец-основатель, получивший ресурсы на перемещение в новую институцию, мог ковать кадры для своего нового подразделения двумя способами – объявить открытый конкурс и, в соответствии с некоторыми характеристиками кандидатов (опыт работы, статьи, навыки и т.д.) отобрать лучших, или попробовать найти будущих сотрудников в сетях знакомств. На практике обе стратегии совместились: на нижние позиции сотрудников набирали на относительно открытом рынке (давая объявления в университетской газете⁶), а затем воспитывали и проверяли на

⁵ Перемещения в американской социологии описывают в терминах обмена (Burtis 2004): самые престижные американские университеты обмениваются выпускниками.

⁶ Одна из лидеров Ленинградской социологической школы, заканчивавшая мат-мех ЛГУ, так описывала свое первое знакомство с дисциплиной: «Увидел кто-то из нас объявление в газете “Ленинградский университет” примерно такого содержания – “Социологическая лаборатория философского факультета приглашает студентов на кодировку материала”. У меня был 4-й курс, по-моему, была весна, когда мы ... появились в социологической лаборатории Ядова в разваливавшемся тогда Меншиковском дворце... Закодировав положенные мне 500 штук анкет, я заработала свои 37 рублей. Просмотрев несколько кодировочных листов, я обнаружила в них ошибки. Ядов страшно испугался – как же так, ошибки!... В общем, было принято решение – все остальные из

«профпригодность» по мере роста в организации (см. статью М.М. Соколова об особенностях найма в советские социологические организации: Соколов 2011). Сотрудников среднего и высшего уровня искали в сетях из проверенных – «своих» – коллег (одно из объяснений наблюдаемому паттерну рекрутинга предложено в статье Д.В. Димке в данном блоке). Индивидуальная мобильность между средними уровнями организационных иерархий была очень низка.

Социологические подразделения ЛГУ с середины 1960-х до конца 1980-х разрослись до (1) нескольких больших социологических лабораторий НИИКСИ и (2) отделения научного коммунизма философского факультета ЛГУ, где с 1970-х в аспирантуре была специализация под названием «прикладная социология» (Ельмеев, Галактионов, Долгов 2005). В 1984 г. из двух кафедр на экономическом факультете было создано отделение прикладной социологии. В 1989 г. сотрудники отделения и группа сотрудников философского факультета (в их числе – сотрудники упраздненной кафедры научного коммунизма) составили кадровую основу факультета социологии ЛГУ (позже – СПбГУ). Здесь мы видим тот же образец кооперации. Гипотетически администраторы университета и факультета могли объявить открытый конкурс и набрать сотрудников из разных организаций города в соответствии с некоторыми критериями публикационной активности, исследовательского опыта и т.д. (например, в случае, если они попадали под эти критерии, на новый факультет можно было нанять тех, кто в конце 1960-х ушел в ИКСИ). Но массового найма представителей соперничающей организации мы не наблюдаем, рекрутируются сотрудники ЛГУ.

2665 анкет перекодировать заново. Мне это не стоило больших усилий, но дало первый приличный социологический заработок». Затем знакомство переросло в устойчивую сеть, в которой младший партнер мог полностью полагаться на разностороннюю заботу патрона: «Потом я писала в лаборатории диплом... у Ядова была только ставка лаборанта на 83 рубля, временно освободившаяся от Эдуарда Беляева. Поэтому он пошел договариваться с ректором А.Д. Александровым, и в итоге меня оставили по распределению в Ленинграде, предоставив место в студенческом общежитии. Потом были мои слезы в процессе многократных мытарств, когда мне не давали права на вступление в кооператив, в моих попытках самостоятельно решить свою жилищную проблему. После очередных слез я заявила Ядову – никуда больше не пойду, пока не будет “звонка”. И был “звонок”, видимо, из Отдела науки Ленинградского обкома КПСС, и мне разрешили вступить в жилищный кооператив». Интервью Г.И. Саганенко Б.З. Докторову, опубликовано на сайте «Биографической инициативы». URL: <http://cdclv.unlv.edu/mission/index2.html> (дата обращения: 05.12.2011).

В 1990-х годах возникли факультеты социологии/социальных наук в вузах с гуманитарным профилем, и, отчасти благодаря тому, что социология вошла в Госстандарт, а вузам надо было трудоустроить бывших преподавателей идеологических специальностей, стали создавать кафедры социологии (часто «и чего-либо» еще, например – политологии) в технических вузах. Поскольку в технических вузах, в отличие от СПбГУ, не было большого философского факультета, то рекрутинг на эти кафедры отчасти производился в среде выпускников и сотрудников СПбГУ. Сегодня взаимодействие факультета социологии СПбГУ и факультетов/кафедр социологии большей части других вузов организовано по модели ядро – периферия, где в центре университетское ядро с сотрудниками первых кафедр факультета (старыми философами, экономистами и научными коммунистами), вокруг – относительно молодые подразделения – кафедры собственно СПбГУ и факультеты/кафедры социологии из других университетов. Эта модель хорошо видна на визуализации (см. рис. 1): группа узлов в правой части рисунка организована вокруг большого узла и его непосредственных соседей. Эта агломерация соответствует тому, что выше мы назвали Ист-сайдом. Большой узел отображает центральную фигуру отца-организатора факультета социологии СПбГУ А.О. Бороноева (размер узла увеличен для того, чтобы читатель мог заметить локализацию группы институций).

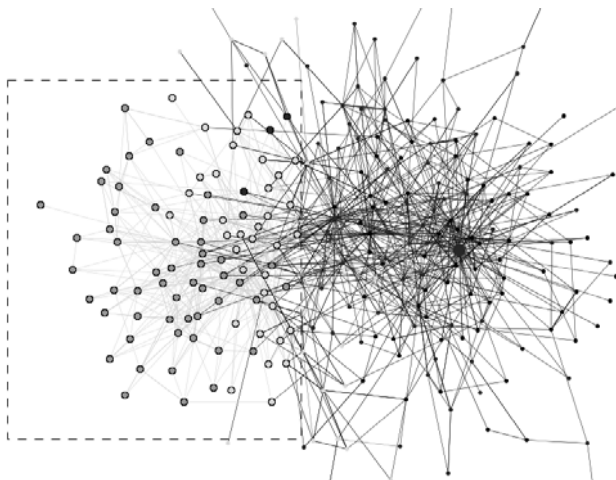

Рис. 1. Сети петербургских социологов

На этой же визуализации хорошо видно, что правую и левую группу узлов разделяет разреженный сетевой участок, появившийся вследствие институциональных миграций конца 1960-х во главе с В.А. Ядовым (на рисунке правая сторона квадрата, обозначенного пунктирной линией, проходит по этому разреженному сетевому участку).

«Кадры решают все»: герметизация организационных агломераций

Группа сотрудников ИКСИ (с ядром из тех, кто мигрировал в 1960-х из ЛГУ, и примкнувших к ним в 1970-х⁷) создала основу для формирования кадрового состава современного Социологического института (СИ) РАН. С 1989 г. несколько сотрудников СИ РАН стали совмещать работу в институте с преподаванием в Ленинградском институте культуры им. Крупской (позже переименован в СПбГУКИ) на кафедре, которая готовила и выпускала социологов (как видно из табл. 1, сотрудники СИ РАН составляли самую большую группу преподавателей-социологов в СПб ГУКИ). К концу 2000-х в СПб ГУКИ было достаточно ресурсов, чтобы создать факультет. Эта институциональная колонизация имела для СИ РАН важное последствие: любые колонизаторы в системе образования получают шанс на возвратный поток студенческой миграции (Сафонова 2011). В данном случае студенты после получения диплома на кафедре, поступали в аспирантуру, а затем становились сотрудниками СИ РАН и/или дружественных социологических организаций:

«Культура очень часто, да. В Культуре, посмотрите: возьмите А, возьмите В. Кого ещё? Возьмите, пожалуйста, С, возьмите, пожалуйста, D, возьмите E. Сейчас аспиранты СИ РАНа большей частью выпускники Культуры. Там тенденции есть к защите. Понятное дело, F там преподает, J преподает, H преподает. Понятное дело, что они могут привести своих студентов. K преподавал в БИЭППе – он привел меня. Он преподавал в Культуре, он привел С, D и E. J преподавал, H преподавал – они привели А, F – то же самое» (м, житель «Зоны перехода»).

Таким образом, две организации оказались связаны отношениями институционального родства. Здесь мы фиксируем схожий с описанным выше образец кооперации: академические деятели получают в качестве аспирантов тех, кого обучали как студентов; последние затем оказыва-

⁷ В 1975 г. в ИСЭП переместилась часть сотрудников лаборатории юридических исследований и других подразделений НИИКСИ.

ются подчиненными/младшими коллегами. Сетевая и институциональная агломерация СИ РАН – СПбГУКИ на рис. 1 отображена слева от разреженного сетевого участка, агенты обозначены светлыми узлами с черным контуром. Особенность этой агломерации состоит в том, что в силу исторических обстоятельств она служит своеобразным сетевым буфером. Современные жители двух крайних агломераций более интенсивно взаимодействуют с населением этого буфера, чем друг с другом. Поэтому для буферной зоны мы позаимствовали соответствующее название у социологов Чикагской школы – «Зона перехода» (Zone in Transition).

СИ РАН станет источником создания кадрового ядра еще двух организаций: ЦНСИ в 1991 г. и факультета политических наук и социологии ЕУ СПб в 1995–1999 гг. Некоторое время колония на факультете политических наук и социологии ЕУ СПб поддерживает отношения с организацией-метрополией (сотрудники изначально сохраняют двойную аффилиацию):

«И все начинают активно вокруг меня, вот в нашем ближнем профессиональном кругу, обсуждать активно вот этот Европейский университет. Приезжают там Л. с М., а они как раз только что защитились, и N. начинает с Фордом, с О., с кем-то они собираются на регулярные сборища... И в какой-то момент я сказал N., что я бы тоже там преподавал, тем более что преподавательского опыта у меня не было никакого (...) Ну, и, соответственно, очень долго мы были одновременно и в Европейской, и в Институте социологии, пока мы полностью сюда не перешли» (ж, Вест-сайд).

В 2002–2003 гг. сеть из ЕУ СПб во главе с одним из отцов-основателей создает собственную колонию в новой организационной структуре – Петербургском филиале НИУ ВШЭ. В середине 2000-х колония растет, и сначала кафедра, затем факультет наполняется средствами сетевого рекрутинга, в который вовлечены как преподаватели факультета, так и его выпускники (часть из них к моменту колонизации является сотрудниками ЕУ СПб). Из 50 преподавателей, которые за семь первых лет существования организационной структуры работали на факультете социологии НИУ ВШЭ, только 12 человек не принадлежали к сети, созданной непосредственно в ЕУ СПб. Однако часть из этих двенадцати была связана какими-то иными отношениями с ее агентами. Именно они задерживались на факультете, в то время как те, кто не был рекрутирован выпускниками ЕУ СПб, покидали организацию. Схожую историю колонизации агентами, которые принадлежат к сетям ЕУ СПб – НИУ ВШЭ, мы можем наблюдать

в случае заполнения позиций в Смольном институте свободных искусств и наук СПбГУ. На визуализации институциональная агломерация сотрудников ЦНСИ – ЕУ СПб – НИУ ВШЭ – Смольного (Вест-сайт) отображена крайней левой группой узлов темно-серого цвета.

В «старых» организациях (созданных в конце 1980-х – самом начале 1990-х годов), где можно наблюдать вторую волну рекрутинга (по причине естественного выбывания старших возрастных когорт или в связи с расширением), отчетливо фиксируется все тот же образец кооперации. На факультет социологии СПбГУ новая волна рекрутинга идет в 2000-х – сотрудники, родившиеся в период 1970–1979 гг. – генерация выпускников факультета, которая имеет сетевой доступ к информации и гарантов карьерного роста. Кадровое ядро трех социологических подразделений факультета социальных наук РГПУ сформировалось в ходе двух волн рекрутинга. Кафедра социологии создается сотрудниками университета, которые работали вместе с конца 1980-х годов (возрастная когорта 1940–1949 г. р., являются выпускниками РГПУ или философского факультета ЛГУ, многие специализировались на истории и теории научного коммунизма, т.е. связаны с сетями социологического факультета СПбГУ). В начале 2000-х годов социологические подразделения факультета расширяются, и рекрутируются сотрудники, которые значительно моложе первых работников кафедры (когорта 1975–1979 г. р. и младше), однако организационный каркас становится к середине 2000-х замкнутым, и новые сотрудники кафедр являются преимущественно выпускниками РГПУ.

Институциональная мобильность, которую мы наблюдаем, носит преимущественно коллективный, а не индивидуальный характер (и в этом смысле институциональная миграция петербургской социологии в большей степени похожа на международную миграцию гастарбайтеров, а не на миграцию академических деятелей). Менее «богатые» в смысле академических опыта/достижений сотрудники перемещаются вслед за патроном. После изначального «заполнения» организации новый массовый рекрутмент не осуществляется, хотя мы можем наблюдать, как новые сотрудники рекрутируются из сетей тех, кто уже заполнил место, либо из круга собственных учеников. В интервью в ответ на вопрос об открытом найме мы можем слышать восклицания, выражающие удивление⁸. Обнаруженный тип ака-

⁸ «Р: – Конкурс, как всё в этой стране – это чистая формальность. Конкурс объявляют тогда, когда известно под кого объявить. Конкурс объявляют под человека.

И: – Были случаи, когда было, скажем, два претендента?

демической мобильности и история развития организаций помогают понять особенности сетевого ландшафта, который мы получаем, обобщив материалы опросов. Границы регионов этой академической местности довольно сильно связаны с границами организаций. Те, кто влиял на развитие карьеры некоего петербургского социолога N, преподавал этому N в университете, до сих пор, скорее всего, является боссом и антрепренером N (т.е. обеспечивает его публикациями и выступлениями).

Академические культуры

Будет ли история сетевого рекрутинга и заполнения организационных структур иметь прямое отображение в структуре современных отношений петербургских социологов? Будут ли совпадать границы институциональных агломераций с границами субструктур отношений? На эти вопросы поможет ответить алгоритм выделения структурно-эквивалентных⁹ узлов (т.е. узлов, связи которых ведут к одним и тем же агентам). Мы проверим эту гипотезу, выяснив, совпадают ли границы организационных агломераций с группами структурно-эквивалентных узлов, выделенных с помощью алгоритма CONCOR. Алгоритм позволяет нам выделить три группы, которые обозначены значками разной формы.

Сеть петербургских социологов вытянута вдоль некой оси (в данном случае – справа налево, хотя ориентация графа на плоскости листа не несет смысловой нагрузки). Крайняя группа справа (круглые значки): самый большой в городе факультет социологии СПбГУ, НИИКСИ и примыкающие факультеты и кафедры. Вторая группа (треугольные значки):

Р: – Да. Было. Но проходил тот, под которого объявлялся конкурс. Если люди умные, приходили и говорили, допустим, условно: «NN, вот у вас объявлен конкурс. У вас есть человек? Или: мне бы тоже хотелось к вам». «Ну, вообще-то, у нас есть человек». «Всё, извините»... Но это общее... это не вина, не беда данного института. Это так принято. Везде. Это и вузовская система, и академическая. Давно сложилась...

И: – А что будет, если кандидат, который придёт со стороны, будет гораздо сильнее?

Р: – Понимаете, в чём дело. Ведь объявляется конкурс с учётом конкретного человека. Допустим, объявляется конкурс старшего научного сотрудника, кандидата наук. Придёт доктор наук... ему, когда изберут кандидата, будут обосновывать: «У нас же ставка кандидата, у нас же нет докторской ставки, мы же объявляли под кандидата». (м, «Зона перехода»).

⁹ Алгоритмы выделения структурно-эквивалентных узлов позволяют находить сплоченные группы, поскольку в одну группу объединяются узлы, связанные с одним или с соседствующими агентами (Borgatti, Everett 1992).

буфер СИРАН и связанный с ним институциональным родством СПбГУКИ. Третья группа, крайняя слева (пятиугольные значки): ЕУСПб, ЦНСИ, НИУ ВШЭ. Структура персональных академических отношений в настоящем времени совпадает с организационной. Важно напомнить, что представленные выше карты отображают не только «близкие» академические отношения – коллег, работодателя-работника – но и те, которые традиционно считают менее сильными – приглашений на публичные мероприятия/к публикации. Сети поддерживают не только распределение рабочих мест, но и все остальные виды коллективного действия. В той мере, в какой поддержание академической жизни может обойтись без открытого рынка, петербургская социология стремится без него обойтись.

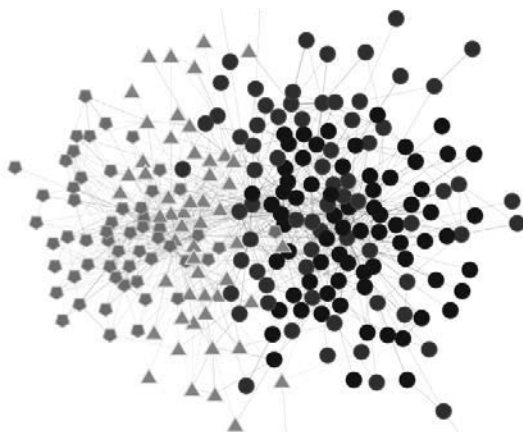

Рис. 2. Группы структурно-эквивалентных узлов
(круглые значки – Ист-сайд, треугольные – Зона перехода,
пятиугольные – Вест-сайд)

Агенты, находящиеся рядом в сетевом и организационном пространстве, имеют шансы на встречу. Соответственно, агенты, живущие на разных полюсах этого академического мира, встречаются редко. Но в силу того, что основной принцип поиска партнера для кооперации – принадлежность к одной устойчивой сети, то, даже если они встретятся, то маловероятно, что произведут какое-либо совместное действие. Более того, они вряд ли легко найдут общий язык. Замкнутым сетям свойственно порождать собственные субкультуры. В нашем случае субкультура будет подразумевать культурно-специфическое «профессиональное» чтение,

стили академического письма, конвенции коммуникации, правила и навыки обращения с инструментами сбора и анализа данных, которые «передаются» в результате обучения. Можно проверить это наше утверждение, посмотрев, как распределяются атрибуты, отображающие академическую культуру, в разных сетях.

Образец распределения атрибута, который описывает ориентацию исследовательской культуры на копирование «иностранной» социологической практики vs национальную социологическую традицию¹⁰ хорошо заметен на визуализации (рис. 3).

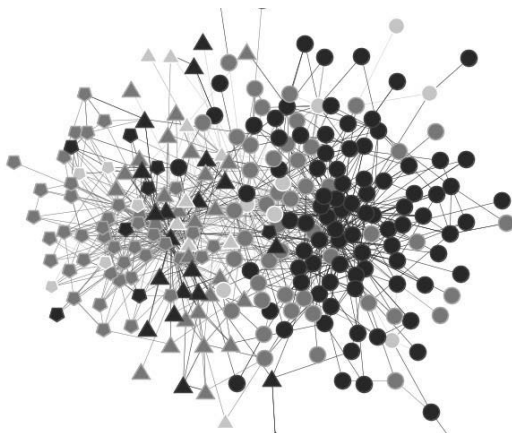

Рис. 3. Ассимиляционистские настроения в сетях петербургских социологов (светлые значки отображают «ассимиляционистов», темные – «изоляциялистов»)

Более светлыми¹¹ значками на рисунке обозначены агенты, которые склонны утверждать (в ответах на вопросы анкеты) необходимость копирования западных образцов. Более темными значками на рисунке обозначены агенты, которые считают, что в исследовательской практике необходимо отталкиваться от национальной традиции. Форма значка обозначает принадлежность к одной структурно-эквивалентной группе и соответствующей организационной агломерации.

¹⁰ Шкала ассимиляционизма-изоляциялизма подробно описана в (Соколов 2010); некоторые пункты из нее цитируются во вводной статье к этому блоку.

¹¹ Здесь и далее значки, обведенные светлым контуром, обозначают агентов, которые не ответили на соответствующий вопрос анкеты.

Можно зафиксировать, что значки светло-серого цвета преобладают в Вест-сайте организационной агломерации ЕУ СПб – ЦНСИ – НИУ ВШЭ (крайняя левая группа точек), значки темно-серого цвета – в Ист-сайте, агломерация СПбГУ – РГПУ – кафедры – в других – вузах (крайняя правая группа точек). В центре точки смешаны. Центральная левая группа – это агломерация СИ РАН – СПбГУКИ («Зона перехода»).

Схожий образец раскраски точек мы увидели бы, если бы отобразили на рисунках два других атрибута – атрибут, отображающий читательские предпочтения, и атрибут, отображающий политические пристрастия. Жители Вест-сайда склонны читать современных западных авторов или более молодых и вестернизированных (в смысле цитирования и теоретических ориентаций) отечественных. Жители Ист-сайда ориентированы в основном на отечественных и традиционных зарубежных классиков. Жители зоны между ними – «Зоны перехода» – читают и первых, и вторых.

Мы можем наблюдать аналогичный образец распределения атрибута «политические взгляды». Жители Вест-сайда преимущественно либералы, жители Ист-сайда – преимущественно консерваторы, среди жителей «Зоны перехода» встречаются и те, и другие¹².

Этот же образец мы фиксируем с помощью индексов, разработанных сетевыми аналитиками. Констатировать тенденцию к замкнутости индивидов в сетях с одной академической культурой позволяет нам E-I-индекс (см. табл. 2). Он создан для регистрации явления, которое в работах, посвященных методам сетевого анализа, принято называть «гомофилией». Гомофилия – это явление преобладания в сети взаимоотношений между агентами, которые схожи по каким-либо характеристикам. Отдельные сети могут быть помещены на еще одном континууме: отношения в сети могут быть абсолютно гомофильны (и тогда E-I-индекс принимает значение -1), а могут быть абсолютно не гомофильны (т.е. гетерофильны, и тогда E-I-индекс принимает значение 1).

Индексы были выведены для каждой из интересовавших нас сетей; гомофилия фиксировалась по трем атрибутам: читательские предпочтения («фактор Латура»), соответствующий усиленному чтению в первую

¹² Интересно, что взгляды разных частей сообщества на то, как должна управляться страна, связаны с устройством их собственной политической жизни. Отношения в Вест-сайте менее иерархизированы (0.1397), чем в «Зоне перехода» (0.3934), и гораздо менее иерархизированы, чем в Ист-сайте (0.4489 для всей институциональной агломерации).

очередь «западной» литературы¹³), ориентации исследовательской деятельности на зарубежную/национальную традицию (ассимиляционизм/изоляцияционизм), политической ориентации (либерализм/консерватизм¹⁴).

Таблица 2. Значение E-I-индекса для семи сетей

	Латур	Ассимиляционизм	Либерализм
Совместная работа в проектах	-0.351	-0.371	-0.550
Влияние на развитие карьеры	-0.424	-0.320	-0.376
Получали предложение позиции	-0.581	-0.395	-0.340
Получали приглашение опубликоваться	-0.437	-0.328	-0.299
Получали приглашение на акад. мероприятие	-0.455	-0.362	-0.314
Приглашали на акад. мероприятие	-0.455	-0.368	-0.339
Цитирование	-0.265	-0.290	-0.448

Примечание. $P < 0.05$

Во всех семи сетях, включая цитирование, гомофильные отношения преобладают. Таким образом, мы видим, что на полюсах обнаруженной нами оси, вдоль которой вытянута сеть взаимодействия петербургских социологов, живут представители двух полярно различающихся академических культур: на левом полюсе ассимиляционисты, читающие Латура и компанию, исповедующие ценности политического либерализма, на правом – изоляционисты, пренебрегающие интеллектуальным импортом и верящие в политический и культурный консерватизм. Представители двух полюсов этих культур будут избегать друг друга (или просто не подозревать о существовании кого-то за «Зоной перехода», что подтверждает наш анализ совместного появления на публичных мероприятиях).

«В РАН обнаружили группировку академиков»?

Как соотносится эта объективно существующая структура с конвенциональным самописанием академических сообществ? Если мы обра-

¹³ Подробное описание см. в более ранней публикации исследовательской группы (Соколов, Бочаров, Губа, Сафонова 2010).

¹⁴ См. описание шкалы там же.

тимся к литературе по социологии науки и к нормативным документам, регулирующим распределение государственного финансирования науки в России, то обнаружим, что эти источники признают значимость сетевого принципа академической кооперации, и даже указывают на более специфичную ее разновидность, которую считают элементарной единицей любого академического сообщества. Самый распространенный термин для обозначения этой разновидности – «школа». Любой неопит, приступающий к изучению социологической теории, узнает из учебника по истории социологии, что существуют научные школы: Французская социологическая школа (Дюркгейм и компания), Чикагская школа (Смолл, Парк, их коллеги и ученики), Франкфуртская школа (Адорно, Хоркхаймер) и т.д. В 1996 г. в России была запущена государственная программа поддержки ведущих научных школ¹⁵ (т.е. предполагалось, что кроме ведущих есть еще и масса неведущих, не столь достойных поддержки). Это позволяет предположить, что чиновники верят в их существование (или делают вид, что верят). Пьер Бурдьё, предложивший описание универсальных законов, по которым разворачивается академическое производство, в качестве эпиграфа к одной из своих статей использовал цитату из книги Марселя Пруста: «Теории и школы – те же микробы или кровяные шарики: пожирают одна другую – и от этого зависит непрерывность бытия» (Бурдьё 1993). Томас Шефф использует более сильное определение. Он говорит, что в академическом мире воюют банды – «бихевиористов», «марксистов» и т.д., которые, как бутлегеры 1920-х годов, пытаются покончить с другими бандами на одной академической территории, чтобы без конкуренции разливать собственное академическое спиртное (Scheff 1995). Николас Маллинз менее поэтичен, поэтому говорит только о конкуренции «теоретических групп», но более конкретен, поэтому оделяет читателя их признаками (Mullins 1973a).

Понятию «теоретические группы», предложенному Маллинзом, можно дать формальное определение из современного словаря сетевых аналитиков: это сетевые субструктуры, близкие по характеристикам к кликам¹⁶ или «ослабленным кликам» (отношения в этих субструктурах плотнее, чем за их пределами). Группа производит теоретический бренд: «эт-

¹⁵ «О грантах Президента Российской Федерации для поддержки научных исследований молодых российских ученых – докторов наук и государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации» (№ 633 от 23 мая 1996 г.).

¹⁶ Клика – полный граф.

нометодология», «символический интеракционизм», «структурализм». В группе есть явные интеллектуальные и административные лидеры; первые обеспечивают группе теоретический манифест, на который затем ссылаются рядовые члены группы для продвижения теоретического бренда, вторые обеспечивают академические позиции своим адептам (роли академического/административного лидера могут совпадать, как это было, например, с Ароном Сикурелом) (Mullins 1973b: 256–257). Группа демонстрирует консистентность внутригруппового цитирования (лидеров и товарищей по теоретической борьбе) и внешнего цитирования (ограниченного набора классиков-вдохновителей).

Существуют ли в мире петербургской социологии формы кооперации, по структуре близкие к тем, которые описывает Маллинз? Наблюдаются ли те формы кооперации – неважно, назовем ли мы их бандами, школами, теоретическими группами – в существование которых верят как администраторы, так и деятели нескольких национальных академических миров?

Первое, что мы можем зафиксировать – это существование банды на структурном уровне (пока мы не будем смотреть на содержательный). Мы смогли обнаружить 18 кликообразных¹⁷ структур в коллегиальной сети (см. рис. 4; линии, отображающие связи в кликообразных структурах, сделаны более толстыми; некоторые клики соединяются с другими через одного общего агента).

Интересен образец распределения кликообразных структур по сети: несмотря на то что население Вест-сайда и население «Зоны перехода» меньше населения Ист-сайда, две первые агломерации обеспечивают более плодородную почву для появления кликообразных структур. Вест-сайд и «Зону перехода» населяют одиннадцать банд, шесть банд в первой, пять – во второй агломерации (выделены в пунктирном квадрате); в Ист-сайте их только семь. Таким образом, мы можем сделать вывод, что в чистом структурном измерении банды есть.

Мы обнаружили кликообразные структуры в коллегиальных сетях. Теперь интересно понять, могут ли в этих сетях замыкаться другие типы

¹⁷ Для поиска кликообразных структур использован алгоритм выявления клик. В качестве банд мы фиксировали два типа структур: традиционные клики размером четыре и больше (полный граф) и группу пересекающихся (совпадение двух агентов) клик с тремя агентами (с помощью иерархической кластеризации матрицы пересечения клик «Hierarchical clustering of overlap matrix»).

взаимодействия. Для этого мы можем посмотреть на корреляции¹⁸ между разными сетями (рис. 5). Узлы на рисунке отображают сети, линии – связь между ними. Чем толще и темнее линия – тем выше коэффициент корреляции между двумя сетями. Цифра над линией, отображающей связь между двумя сетями, показывает значение коэффициента корреляции, умноженное на 100 (например, коэффициент корреляции между коллегиальными сетями и отношениями влияния на развитие карьеры равен 0.150, что при умножении дает число, отображенное на рисунке – 150). Коэффициенты преобразованы для четкости визуализации.

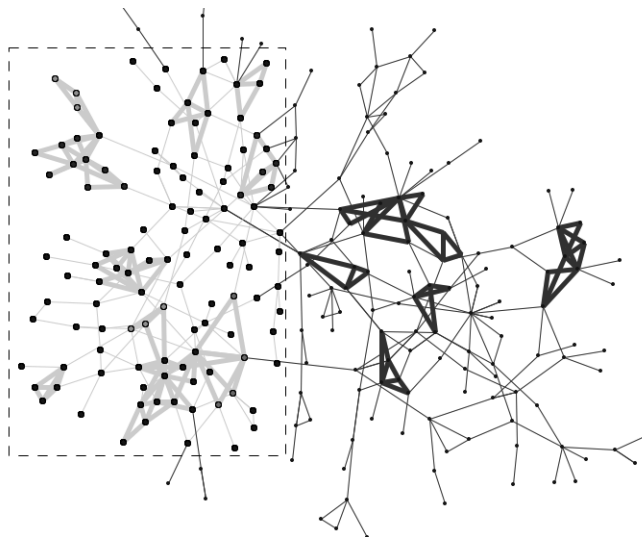

Рис. 4. Банды петербургской социологии

Мы обнаруживаем, что значение коэффициента корреляции между коллегиальной сетью и отношениями влияния на развитие карьеры положительное и довольно высокое (0.150) относительно значения коэффициентов корреляций между другими сетями. Значения коэффициентов корреляции между коллегиальной сетью и сетью предложения работы (0.124), коллегиальной сетью и отношениями «получения приглашений» на публичные академические мероприятия (0.152) также положительны и сравнимы со значением коэффициента корреляции между коллегиаль-

¹⁸ Так как связи в основном кодировались как бинарные (кроме цитирования), то был использован коэффициент корреляции Жаккарда (отношение А и Б / А или Б).

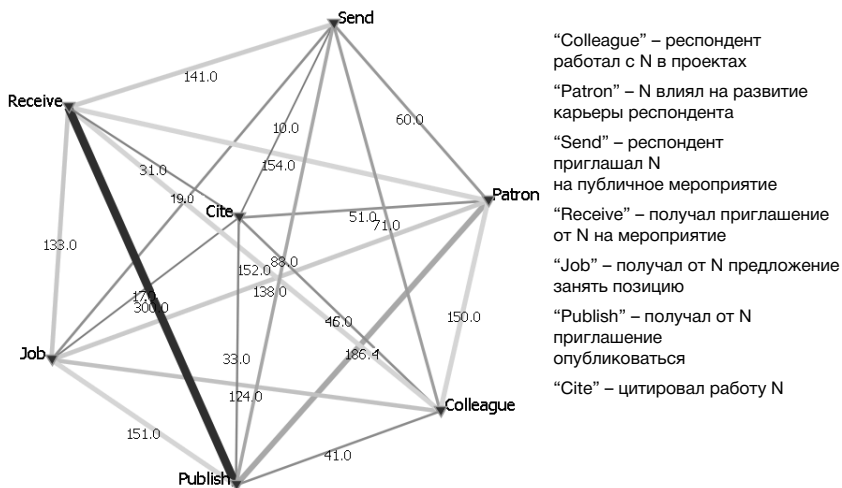

Рис. 5. Корреляции между семью сетями

ной и патронажной сетями. То есть агент, которого наш академический деятель считает своим коллегой – это агент, который (1) влиял на развитие его карьеры (например, был научным руководителем), и (2) предлагал или даже давал работу. Агент, повлиявший на развитие карьеры, предлагал нашему академическому деятелю постоянную позицию (коэффициент корреляции между отношениями влияния на развитие карьеры и сетями предложения позиций положительный и принимает значение 0.138) и приглашал публиковаться (0.186). Тот, кто предлагал постоянную позицию – звал выступить на публичном мероприятии (0.138). Тот, кто приглашал опубликоваться, предлагал выступить на публичном мероприятии (0.3).

Анализ корреляций между сетями позволяет понять, что экономические академические ресурсы – научное руководство, предложения постоянных позиций, приглашения на конференции, предложения публиковаться – относительно замкнуты в плотных сегментах большой петербургской сети, т.е. наши кликообразные структуры и в этом смысле являются «бандами».

Академические?

Теперь нам нужно понять, есть ли у этих кликообразных структур самое главное качество, делающее их «школами» или «теоретическими

группами»: продвигают ли наши банды академические продукты собственного производства, свое академическое «спиртное»? Можем ли мы наблюдать консистентное цитирование «главарей», т.е. внутренних лидеров или консистентное цитирование внешних (по отношению к банде) «авторитетов»?

У нас есть два способа увидеть это на имеющихся данных. Первый: посмотреть, есть ли консистентное внутреннее цитирование того, кто живет и работает вместе с нашим академическим боссом. Получает ли наш «патрон», который обеспечивает свою клиенту работой, приглашения выступать и публиковаться, возвратное цитирование? Если мы вернемся к рис. 5, то увидим, что отношения цитирования на этом рисунке «провисают»: линии, отображающие коэффициенты корреляции с сетью цитирования, самые тонкие, т.е. значения коэффициентов – самые низкие (все – меньше 0.1, самое большое значение – 0.051 между отношениями патронажа и отношениями цитирования). Мы практически не наблюдаем «возвратного» цитирования: в ответ на обеспечение работой, приглашения выступать и публиковаться наши академические патроны получают очень мало ссылок на свои работы.

Второй способ проверить наличие «академических банд»: посмотреть на цитирование внешних авторитетов. Мы уже знаем, что у нас есть академические культуры, внутри которых предпочитают взаимодействовать академические деятели. Одну из них можно обозначить лейблом «вестернизированная», другую – «национальная». Но это «большие» культуры, к которым относят себя несколько банд.

Модель теоретических банд позволяет выдвинуть некоторые предположения о том, как будут соотноситься распределения интеллектуального сходства и социальной близости. Если модель адекватна, то наибольшим сходством будут обладать члены постоянно кооперирующихся групп, которые взаимодействуют в разных сферах – приглашают друг друга на работу, публикуются вместе, участвуют в исследовательских проектах и т.д., а тесные отношения будут сохраняться только между теми, кто читает и почитает одних и тех же классиков. По мере сокращения социальной близости, интеллектуальная быстро сходит на нет (толстая сплошная кривая А на рис. 6 отражает этот паттерн).

Мы можем представить себе и некоторые другие модели этой связи. Модель В – это модель более обширной академической культуры, в которой есть широкий круг людей, находящихся примерно на одном уровне социальной близости. Модель С – это модель недифференцированно-

го сообщества, в котором социальная близость никак не коррелирует с интеллектуальной. Реальное соотношение интеллектуальной близости¹⁹ и социальной дистанции показывает рис. 7. Социальная дистанция изменяется от 1 (для пар индивидов, которые поддерживают четыре разных отношения, т.е. одновременно коллегиальную и патронажную связь, отношения приглашений на работу и конференции и т.д.) до 7 (индивиды, которые находятся на расстоянии четырех «рукопожатий» друг от друга в исследуемой нами сети), где 4 соответствовало указанию одной и только одной связи.

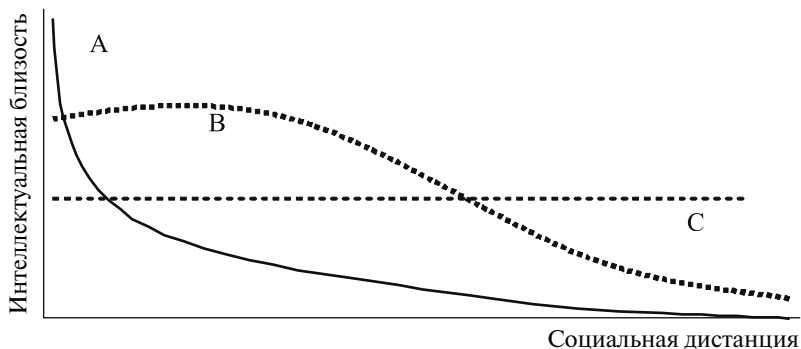

Рис. 6. Модели связи интеллектуальной близости и социальной дистанции

В первом приближении (спад на дистанции 3, которая соответствует отсутствию двух типов отношений между индивидами, может объясняться статистической погрешностью, ощутимой при сравнительной редкости комбинации – всего 187 случаев) рисунок мог бы рассматриваться

¹⁹ Сеть, отображающую отношения «интеллектуального» родства, мы сконструировали из бимодальной сети, где зафиксированы отношения между индивидами и авторами, которые повлияли на профессиональное развитие петербургских социологов. Прямоугольная матрица бимодальной сети – это знакомая каждому социологу таблица, где в строке отображен случай или респондент, а в столбце – какое-либо свойство (атрибут), например, влиятельная книга. Из такой прямоугольной матрицы с помощью разных алгоритмов можно получить две квадратные матрицы («проекции»), в одной из которых отображаются отношения (совместное упоминание одного или нескольких атрибутов) между респондентами, в другой – отношения (разделяемые респондентами) между атрибутами. Важно, что респонденты называли книги, факт чтения которых актуален для них сейчас, т.е. те книги, которые были опубликованы или стали доступны после того, как закончилось их социологическое «детство».

как сочетание моделей А и В, если бы не одно «но» – очень низкий в целом уровень общности влияний. Даже у тех, кто является членом самого насыщенного взаимодействия, количество совместно упоминаемых авторов равно 0,6 – при среднем числе названных авторов в 4,3. Социальная близость связана с интеллектуальной близостью, но никаких сплоченных групп, которые ориентировались бы на один и тот же набор авторитетов, в петербургском социологическом сообществе мы не находим.

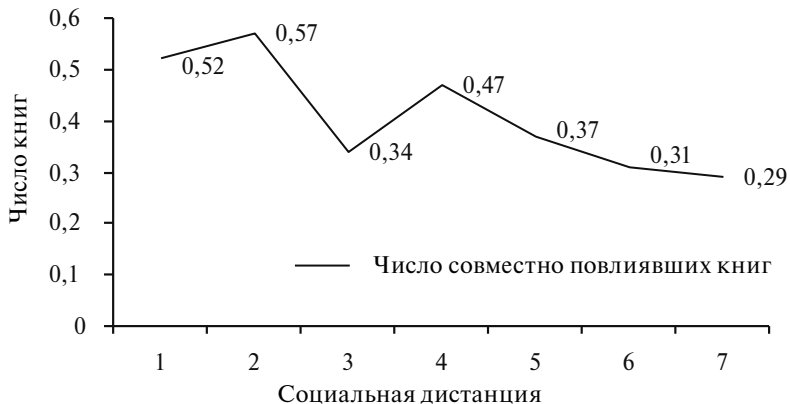

Рис. 7. Количество книг, повлиявших на каждого из членов пары, как функция социальной дистанции между ними

Произведенный анализ позволяет утверждать, что связь между двумя сетями есть, но она свидетельствует скорее о наличии больших и относительно плавно перетекающих друг в друга академических культур и об отсутствии плотных «академических» банд, т.е. таких социальных образований, которые были бы «теоретическими группами» и продвигали свою или хотя бы чужую теорию. Можно найти несколько исключений. У западных границ нашей карты есть сплоченная (и почти изолированная) группа экологических социологов во главе с М.С. Тысячнюк, которая обнаруживает консистентное взаимное цитирование и общий список авторитетов, включающих Джона Урри и Артура Мола. На восточной периферии есть группа, лидером которой до своей кончины в прошлом году был В.Я. Ельмеев, и которая также несет отпечаток интеллектуальных пристрастий своего лидера. Тем не менее это скорее ис-

ключения, чем правило. Банды правят петербургской социологией – без членства в одной из них сложно получить работу или опубликоваться – но это не теоретические банды.

Заключение

Мы видели, что кооперация среди петербургских социологов строится на сетевых, а не рыночных принципах во всех сферах, кроме одной – сферы интеллектуальных исканий. Здесь каждый из них более-менее предоставлен самому себе до тех пор, пока его/ее интересы не перестают соответствовать каким-то более общим стандартам интеллектуальной респектабельности. Так, в Вест-сайте предполагается, что каждый будет знать стандартный круг «современных западных теоретиков» (набор которых обсуждается в статье К.С. Губы), но кого из них он выберет в свои святые покровители – целиком отдается на его усмотрение. Клики не функционируют как «мыслительные коллективы».

Почему сети столь важны, но при этом они не приобретают узнаваемую интеллектуальную окраску? Одно из основных предположений нашей исследовательской группы заключается в следующем – возникновению теоретических группировок помешала история, обусловившая преобладание сетевого механизма кооперации. Институциональная экономика учит нас, что сети преобладают на рынках, на которых доверие контрагенту является единственным способом снижения рисков. Поскольку сети петербургских социологов возникали в ситуации реальной или воображаемой борьбы с органами идеологического контроля и коллегами, стремившимися устранять конкурентов руками этих органов, то ценность рекрутируемого новобранца или будущего подчиненного определялась его политическими взглядами и проверенной лояльностью. Поэтому преобладал сетевой наём, а открытый рынок работал только при рекрутинге на самые низкие позиции. Ни при найме на низкие, ни при найме на высокие позиции специальная квалификация, например, владение факторным²⁰ или контент-анализом, не требовалась. «Квалификация» и владение специфической техникой «X» в этой системе были вто-

²⁰ Ценность знания статистики, разумеется, осознавалась советскими социологами. Однако, изучив историю большинства локальных групп, мы обнаруживаем, что они, скорее, стремились воспитывать специалистов сами, а не привлекать к работе ученых с более сильным математическим бэкграундом со стороны. Сетевая близость и здесь имела приоритет перед специфическими компетенциями.

ричны. У образовавшихся банд – в отличие от банд, существовавших в англо-американской науке – не было сильных экономических мотивов, побуждавших на создание собственного теоретического лейбла или специфического интеллектуального продукта; скорее, экономические и политические соображения постоянно удерживали их от подчеркивания своей отличности от других. Этот механизм, в сочетании со специфическим пониманием миссии социологии во многом обязанным своим появлением тому же историческому контексту (см. статью Д.В. Димке), успешно предотвратил господство теоретических банд на петербургской почве.

Библиография

Бороноев А.О. 2008. Социологические исследования в Ленинграде – Санкт-Петербурге // *Социологические исследования* 6: 64–69.

Бурдые П. 1993. Рынок символической продукции // *Вопросы социологии* 1/2: 49–62.

Губа К.С., Семенов А.В. 2010. В центре внимания или в центрах внимания? Анализ системы авторитетов локального академического сообщества // *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 133–154.

Ельмеев В.Я., Долгов В.Г., Галактионов А.А. 2003. Социология в Ленинградском – Санкт-Петербургском университете: история становления (1985–1990 гг.) // *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 25–30.

Соколов М.М., Бочаров Т.Ю., Губа К.С. и др. 2010. Проект «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года» // *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 66–82.

Сафонова М.А. 2011. Академическое наследие империй: куда текут потоки международной студенческой миграции? // *Ab Imperio* 2: 261–299.

Соколов М.М. 2010. Индивидуальные траектории и происхождение «естественных зон» в петербургской социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 111–132.

Соколов М.М. 2011. Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии // *Экономическая социология*. 12(4): 37–72.

Фирсов Б.М. 2001. История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Алетейя.

- Coase, Ronald. 1937. The Nature of the Firm // *Economica* 16(4): 486–505
- Becker, Howard S. 2008. *Art Worlds*. Berkeley: University of California Press.
- Borgatti, Stephen P. and Martin G. Everett. 1992. Notions of position in social network analysis // *Sociological methodology* 22: 1–35.
- Burris, Val. 2004. Academic Caste System: Prestige Hierarchies in PhD Exchange Networks // *American Sociological Review* 69: 239–264.
- Massey, Douglas S. 1986. The Social Organization of Mexican Migration to the United States // *Annals of American Academy of Political and Social Sciences* 487: 102–112.
- Mullins, Nicholas C. 1973. *Theories and theory groups in contemporary American Sociology*. N.Y.: Harper & Row.
- Mullins, Nicholas C. 1973. The Development of Specialties in Social Science: The Case of Ethnomethodology // *Science Studies* 3(3): 245–273.
- Scheff, Thomas J. 1995. Academic Gangs // *Crime, Law and Social Change* 23(2): 157–162.
- Williamson, Oliver E. 1981. The Economics of Organization: The Transaction Cost Approach // *The American Journal of Sociology* 87(3): 548–577.

Intellectual landscape and social structure of a local academic community (the case of St. Petersburg sociology) : Working paper WP6/2012/01 (part 1) [Text] / M. Sokolov, M. Safonova, K. Guba, D. Dimke ; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 48 p. – 150 copies (in Russian).

The paper presents the results of the research project "St. Petersburg Sociology after 1985: Institutional Dynamics, Economic Adaptation, and Pockets of Intellectual Growth" which looked into the social history of the local community of Petersburg sociologists in the last 25 years. The research project followed the example of Chicago school of sociology's community studies. It employed a wide range of historical, sociological, anthropological, and scientometric methods to study the ecology of practices of some 600 local social scientists.

This publication is comprised of two texts. First of them, authored by Mikhail Sokolov, Katerina Guba, Daria Dimke, and Maria Safonova, discusses the origins of the 'community study' research genre, its relevance to sociology of science, and the details of its application to the case of St. Petersburg sociologists. It also summarizes the results of the earlier work at the site. The second text, by Maria Safonova, applies the social network analysis (SNA) to developing the network perspective on the emergence of St. Petersburg sociology. She analyses its present multi-modal structure and tests the presupposition which often remains unquestioned in the discourse on Russian science: are schools of thought (or "academic gangs", to use Thomas Scheff's expression) the dominant form of structural organization of the Russian academic world?

Препринт WP6/2012/01 (ч. 1)
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Соколов М.М., Сафонова М.А.,
Губа К.С., Димке Д.В.

**Интеллектуальный ландшафт и социальная структура
локального академического сообщества
(случай петербургской социологии)
Часть 1**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,9
Усл. печ. л. 2,8. Заказ № . Изд. № 1399
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15